

Получив долгожданное письмо из столицы, Чжоу Маань наконец вздохнул с облегчением. Всю ночь напролет он провел в своем кабинете, не смыкая глаз. В его голове, подобно шахматной партии, раз за разом прокручивались различные способы расправы с Хан Сиэнем. Он взвешивал каждый шаг, просчитывал любые случайности, пока не убедился, что план безупречен и не имеет изъянов. Лишь тогда генерал-губернатор позволил себе размять затекшее тело и, воспользовавшись тайным шифром, отправил доверенным чиновникам приглашения в Резиденцию генерал-губернатора для обсуждения грядущих великих дел.

Тем временем главнокомандующий Цзян Шуйшэн обнаружил у себя на столе роскошное приглашение с золотым тиснением. Стоило ему бросить взгляд на эту бумагу, как все его тело мгновенно подобралось. Он резко обернулся, выискивая скрытую угрозу, но кругом царила тишина. Никаких следов чужого присутствия. От этого по спине прошел ледяной озноб.

Кто-то сумел беспрепятственно проникнуть в его личные покои, и эта изящная карточка была не чем иным, как неприкрытой демонстрацией силы. Брошенным вызовом.

Успокоив бешено забившееся сердце, Цзян Шуйшэн подошел к столу и взял конверт. Пальцы медленно очертили выпуклый узор на плотной бумаге, но открывать ее он не спешил.

Этот кабинет всегда оставался неприкосновенным святилищем. Без личного приказа военачальника никто в поместье не смел даже порог его переступить, не говоря уже о том, чтобы так вольготно оставить послание прямо на виду.

Для него это было и бахвальством, и безмолвной угрозой. В его памяти не всплывало ни одного человека, способного на подобную дерзость. Если неизвестный смог проскользнуть сюда незамеченным, значит, он так же легко может следить за каждым его шагом или вовсе перерезать ему горло во сне.

Сомнений не оставалось: за этим стоял Хан Сиэнь и его люди. Вспомнив их первую, полную взаимной неприязни встречу, главнокомандующий ощутил, как к горлу подступает горький комок.

Тяжело вздохнув, он наконец распечатал письмо. На белом листе красовалась лишь одна короткая строчка с предложением встретиться прямо сейчас у хребта Князя Циня, что высился за пределами Лючжоу.

Прочитав послание, Цзян Шуйшэн сложил его и поднес к пламени свечи. Глядя, как бумага чернеет и рассыпается невесомым пеплом, он едва заметно нахмурился.

В глубине души ему не хотелось идти. Подобное принуждение уязвляло его гордость, заставляя чувствовать себя беззащитным глупцом. К тому же этот высокомерный юнец Хан Сиэнь вызывал у него лишь глухое раздражение.

И все же, вопреки внутреннему протесту, за несколько минут до назначенного срока главнокомандующий уже скакал к хребту Князя Циня. Покидая Резиденцию главнокомандующего, он приложил немало усердия, чтобы ускользнуть от бдительных глаз собственной стражи.

Добравшись до места, Цзян Шуйшэн издалека приметил двух всадников. Это были Третий принц Цзи Ло и Цзи Юэ, наследник Уездного князя Юна.

Цзи Ло приветливо улыбнулся приблизившейся фигуре:

— Господин Цзян, простите за столь бесцеремонное приглашение.

Тот не сумел скрыть изумления. Он шел на встречу, ожидая увидеть холодное лицо Хан Сиэня, но никак не предполагал, что его будут ждать сам принц и молодой наследник титула — да еще и без единого телохранителя за спиной.

Впрочем, многолетний опыт помог воину быстро вернуть лицу бесстрастное выражение. Он лишь горько усмехнулся:

— Если бы я знал, что меня призывают ваше высочество и господин наследник, то не провел бы всю ночь в мучительной тревоге.

Цзи Ло пропустил язвительный выпад мимо ушей. С неизменной мягкой улыбкой он вместе с Цзи Юэ направил коня ближе к главнокомандующему:

— Сколько мы ни ехали по землям Цзяннаня, — негромко заговорил принц, — только этот хребет Князя Циня не кажется разоренным и заброшенным. Не желает ли господин Цзян составить нам компанию и прогуляться по здешним склонам?

Цзян Шуйшэн слегка приподнял уголок губ:

— Для меня это величайшая честь.

Пока на горных склонах велась неторопливая беседа, Хан Сиэнь, лениво прислонившись к стволу раскидистого персикового дерева, наблюдал за тренировкой Бай Шу.

С мечом в руках юноша преображался: его всегда живое лицо становилось сосредоточенным и строгим. Клинок в его ладони вился послушной серебряной змеей, двигаясь с невероятной стремительностью. Сталь рассыпала мириады искр, рассекая неподвижный воздух, и под этим натиском с ветвей бесшумно осыпалась увядающая листва.

Стоило летящим листьям коснуться сверкающего лезвия, как они мгновенно превращались в невесомую пыль, ровным слоем ложась на землю.

Под яростный свист рассекаемого воздуха Бай Шу взмыл вверх, легко оттолкнулся от ствола дерева и, сделав в воздухе несколько головокружительных кульбитов, приземлился в шаге от Хан Сизня. В тот же миг его клинок, подброшенный высоко в небо, плавно опустился острием вниз прямо в ножны, которые юноша держал в руке. Раздался чистый металлический щелчок.

Эхо этого звука еще вибрировало в ушах, а вокруг них все еще кружились остатки листьев, когда Бай Шу посмотрел на спутника и открыто, по-детски тепло улыбнулся, прищулив глаза.

Хан Сизнь не шелохнулся. Он медленно соединил ладони в негромких рукоплесканиях:

— Превосходная техника.

Произнося эти слова, маркиз и сам не заметил, как в его душе, выжженной некогда смертоносным взрывом, шевельнулось давно забытое, живое чувство.

Глядя на Бай Шу — настоящего, искусного мастера боевых искусств, — он ощутил мимолетный укол искреннего восхищения. Это теплое дуновение исчезло так же стремительно, как и появилось, но все же оставило едва заметный след в его заледеневшем сердце.

Сам Хан Сизнь не придал этому значения. Он лишь списал все на легкое любопытство — ведь прежде ему доводилось видеть подобных мастеров лишь на страницах приключенческих романов, и реальность оказалась куда более захватывающей.

Бай Шу стоял совсем близко. От этой близости его собственное сердце забилось чуть быстрее.

Его поражало, что Хан Сизнь даже бровью не повел, когда смертоносная сталь свистела в полувершке от его лица, и лишь вежливо выразил свое одобрение. В глазах Бай Шу это было высшим проявлением доверия, какое только возможно между друзьями. И от осознания этого факта на душе у него становилось непривычно легко и радостно. За все те дни, что он упрямо навязывался маркизу в товарищи, он впервые отчетливо увидел собственное отражение в этих обычно безучастных глазах.

Это забавляло его. Еще при первой встрече Хан Сизнь показался ему человеком крайне любопытным, теперь же этот интерес перерос в нечто большее. Юноша твердо решил, что не отступится от этой дружбы — ему до безумия хотелось узнать, какую игру ведет его молчаливый спутник.

Впрочем, Хан Сизнь не обратил внимания на бурю чувств, бушевавшую в душе собеседника. Минутный порыв прошел, и мысли его вновь вернулись к практическим делам, а именно — к Цзян Шуйшэну.

Разумеется, именно Бай Шу проскользнул ночью в резиденцию главнокомандующего, чтобы оставить там золоченый конверт. Слова для послания маркиз надиктовал лично, а Цзи Юэ аккуратно перенес их на бумагу своим каллиграфическим почерком.

Со стороны предложение могло показаться излишне дерзким, даже пренебрежительным, но оно как нельзя лучше отражало суть самого Хан Сиэня.

Он прекрасно понимал характер старого вояки: Цзян Шуйшэн был слишком осторожен и дальновиден, чтобы проигнорировать подобный знак. Какое бы раздражение ни вызывал у него этот вызов, он не посмеет уклониться от встречи. Изначально Цзи Ло мягко настаивал на том, чтобы маркиз отправился к хребту вместе с ними.

Однако Хан Сиэнь без лишних церемоний отказался. Тратить время на витиеватые придворные беседы и дипломатические увертки ему было попросту скучно.

У Третьего принца были амбиции, он жаждал занять императорский трон, но до сих пор ему отчаянно не хватало верных и влиятельных союзников.

Если Цзи Ло не сумеет склонить на свою сторону главнокомандующего, грош цена его талантам. Маркиз не собирался нянчиться с теми, кто не способен подтвердить свои притязания делом, даже если в глазах столичного света они с принцем считались близкими друзьями.

По правде говоря, Хан Сиэню было глубоко безразлично, чья голова в итоге увенчается короной Великой Чжоу. Он лишь со стороны безучастно наблюдал за суетой принцев и их влиятельных кланов.

Любой, кто посмеет встать у него на пути — будь то Цзи Хуай, Цзи Жун или даже сам Цзи Ло, — неизбежно поплатится за это.

Единственное, что имело значение для него теперь, — это собственное спокойствие.

Бай Шу заметил, как помрачнел взгляд маркиза. Тот вновь словно закрылся от всего мира, став холодным и отстраненным.

Раньше это безразличие казалось юноше естественным, но теперь отчего-то сдавило грудь. Повинуясь внезапному порыву, он нарушил молчание:

— Не хочешь прогуляться?

Хан Сиэнь на мгновение замер от столь неожиданного предложения, а затем тонкие губы изогнулись в загадочной улыбке:

— Прогуляться? Здесь, по улочкам Лючжоу?

Бай Шу упрямо сжал губы:

— Можно и за город съездить. Какая разница? В любом случае, я смогу тебя защитить.

— Не стоит, — ровно отозвался маркиз. — Скоро вернутся принц и Цзи Юэ. И тогда нам будет не до прогулок.

<http://bllate.org/book/20088/2002015>